
ВААН ТЕРЬЯН И АЛЕКСАНДР БЛОК
(К 115-летию со дня рождения В.Терьяна)

ЕЛЕНА АЛЕКСАНИЯ

Интерес к символизму в современном литературоведении не случаен. На разломе эпох в литературе, да и в искусстве в целом, как правило, возникает столь же кризисная ситуация, когда знакомое "старое" начинает казаться возмутительно архаичным, а поиски нового не сразу вознаграждают ощутимой плодотворностью результата. Собственно, символизм как направление конца XIX – начала XX века сложился в художественную систему, когда назрела необходимость социального, философского и нравственного переосмысления "потрясенной" действительности, что закономерно и привело к пересмотру привычных художественных ориентиров и потере или смене устоявшихся приоритетов духовной жизни.

Достаточная удаленность от той эпохи дает возможность с большей полнотой понять и противоречивость оценок символизма в целом, и своеобразие творчества его отдельных представителей. Вызывает недоумение лишь идущее от ретивого идеологизирования советских лет замалчивание этого направления или отрицание самого его существования, имеющее своих последователей и в наши дни. Поэтому нам представляется далеко не лишним вновь обратиться к некоторым проблемам символизма, ибо, как бы не отклонялись некоторые поэты-символисты от своих же программных установок, их девизом был творческий поиск и устремленность в будущее, а в недрах символизма, в его эстетических и, шире, общефилософских системах взглядов и поэтических программах можно найти подлинные новации и художественные откровения, которые могут способствовать большей плодотворности нынешних художественных исканий.

Валерий Брюсов, считавшийся вождем символизма, справедливо замечал, что символизм ценен тем, что открывает дорогу новым поэтическим приемам для передачи сложных переживаний человека. Разумеется, он имел в виду виртуозное мастерство в передаче самых тонких, импрессионистских нюансов настроений и впечатлений лирического героя, богатство и выразительность живописной палитры и музыкальной инструментовки, специфическую метафоричность поэтического языка. Отсюда ясно, как продуктивны и полезны современным поэтам уроки символистского искусства.

В настоящей статье, поднимая насущно важные художественные проблемы, связанные с символизмом, мы будем опираться на худо-

жественный опыт Ваана Терьяна и русских символистов, прежде всего, наиболее близкого великому армянскому поэту Александра Блока. Будет сделана попытка осветить проблему творческих контактов и типологической близости армянского лирика-символиста школе русского символизма, привлекавшую, на наш взгляд, недостаточное внимание исследователей.

В отношениях В.Терьяна с русскими символистами есть как очевидное, так и не до конца проясненное. Интересный парадокс заключается в том, что, к примеру, творческое "присутствие" французских символистов, особенно Бодлера — как их предтечи — и Верлена, достаточно легко выявляется и в оценках, и в самой поэзии Терьяна. А между тем творческое освоение французского художественного опыта армянским поэтом несоизмеримо меньше, нежели его взаимодействие с русской литературой в целом и поэзией русских символистов, принимая во внимание и его живые контакты с Брюсовым, Вяч.Ивановым и другими.

Нам уже приходилось обращаться к теме французских истоков символизма Терьяна и потому отметим лишь, что общие точки творческой сходимости были обусловлены художественной реализацией известных общих принципов символистского мировидения и переключкой некоторых лирических тем и настроений. Разумеется, немаловажное место в раскрытии этой темы занимают переводы из Бодлера и Верлена, что является отдельной литературоведческой проблемой.

Выявление и аналитическое рассмотрение творческих связей Терьяна с близким ему по многим параметрам русским символизмом сопряжено с гораздо большими трудностями, хотя многие внешние контакты давно зафиксированы и очевидны¹. Пристальное же наблюдение на проблемном уровне и в сфере поэтики обнаруживает более глубокий пласт возможных соотношений. Это творческое освоение и орга-

---

1 Общеизвестно, что Терьян, один из наиболее образованных и близких русской культуре армянских писателей, по инициативе А. М. Горького занимался подготовкой к изданию "Сборника армянской литературы" и в творческом содружестве с ним — отбором и редактированием художественного материала. Выбор Горького был, разумеется, не случаен. Терьян-поэт жил и творил в атмосфере русской художественной мысли того времени и русской духовной жизни в целом. Он дышал воздухом, насыщенным философскими и эстетическими исканиями, переписывался и лично контактировал с Брюсовым и Вяч. Ивановым, которым посвящал стихи. Он прекрасно знал и ценил русскую классическую литературу. Обо всем этом свидетельствуют не только эпиграфы и цитаты из стихов Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Фета, Бальмонта, но и обилие неявных цитат и ссылок на русскую поэзию, а также на прозу Гоголя, Чехова и др. в статьях, письмах, беседах. Терьян был вскормлен и вспоен родной армянской литературой, он упивался красотой и богатством родного языка, благоговел перед именами Туманяна и Исаакяна, но чудотворный источник национальной культуры, национальная почва органично сочетались с восприятием и освоением им лучших образцов русской культуры и литературы.

лично вошедшие в поэтическую систему Тьерьяна, в художественную плоть его творений особенности символистского мировидения, образных решений, поэтического языка с характерной метафоричностью стиля и живописной музыкальностью, присущих русской школе символизма.

Напомним основные черты этого направления в России, имеющие свою национальную специфику, восходящую к русской классической традиции и особенностям национального менталитета и религиозности. Об этой специфике заговорили особенно горячо и сами поэты, и критики уже в 10-е годы XX столетия, когда отзвучали голоса их оппонентов, считавших, что у русского символизма лишь западные корни. К таким апологетам западных истоков относился даже Брюсов, находивший, к примеру, у предтечи русских символистов Тютчева продолжение и развитие традиций лишь немецких поэтов: "У своих русских предшественников Тютчев почти ничему не научился"². "Новое искусство, — по-своему вторил ему критик Евг. Аничков, — как и все новое за последнее тысячелетие, начиналось на крайнем Западе. С Запада на Восток идут новая вера и новый апокриф, новая мистика — предтеча религии будущего"³.

Связывали искусство с мистическими прозрениями о религиозном преображении мира и "младшие" символисты, однако, разделявшие идеи русского почвенничества: "все подлинное и жизнеспособное уходит корнями в русскую почву". И здесь отдавая должное по-своему, в мистическом духе истолкованным поэтам, начиная с Пушкина и особо выделяя Баратынского, Фета и Тютчева, младосимволисты вели, как им представлялось, от Лермонтова заветный для своей поэзофилософии символ Вечной Женственности, как святыню русской народной души. Философом, выразившим с наибольшей силой и четкостью идею Вечной Жены, явился Владимир Соловьев — кумир Вяч.Иванова, А.Белого и А.Блока. Божественный Логос по Соловьеву, проявляется в "Софии, Душе Мира", как воплощения божественной идеи. "Для Бога, его другое (т.е. вселенная) имеет от века образ совершенной женственности и весь мировой исторический процесс есть процесс реализации и воплощения вечной женственности в великом многообразии форм и степеней"⁴. Назначение же человека — преодолеть искусы зла (то есть индивидуализма и эгоизма, отторгающих его от божественной сущности), воспринимать божественное начало в самом себе. И здесь, по Соловьеву, на помощь художнику приходят искусство и любовь. Отсюда ведется и провиденциальная роль России, которая знает путь к "человекобogu", к победе "духовного человечества".

2 В. Я. Брюсов. Далекое и близкое. М., 1912, с. 14.

3 Евг. Аничков. Предтечи и современники. Т. 1, СПб., 1910, с. 87—88.

4 В. Л. Соловьев. Соч., т. III, СПб., 1912, с. 3.

Поэты-символисты, находившиеся под влиянием философии Соловьева, по-разному творчески претворяли его космогоническую концепцию, чрезвычайно близкую принципам символистской эстетики в целом и прежде всего пониманию искусства как "иномирного откровения". Наиболее интересующий нас в свете избранной темы Александр Блок был и привержен философии Соловьева, и отталкивался от нее. Он воспринял и по-своему трансформировал соловьевский образ Вечной Женственности, как символ Добра, Света и Любви. И столь же закономерен в поэзии Блока образ двойника и сама идея двойничества, отражающая борьбу в жизни Добра и Зла, противостояние Красоты и Безобразия, Любви и Ненависти, в конечном итоге противоборство двух противоположных начал в самом себе, в своей поэтической и человеческой сути.

Блок неоднократно признавался в том, что он далек от философии и к волнующим его проблемам бытия подходит как художник. И это действительно так, хотя знаковость ряда тем и их интерпретаций, и прежде всего темы-идеи Вечной Жены свидетельствует об определенной эстетико-философской направленности его художественного мышления, и заставляет вспомнить его увлечение мистическими откровениями Вл. Соловьева. Однако обращение к творчеству этого блистательного русского поэта, переросшего свой мистицизм, приводит нас к выводу, что Блок как художественный летописец "страшных лет" России все более понимал и представлял Вечную Женственность, как торжество доброго начала в мире, как высвобождение человека и его родины от зла и мрака неправого жизнесуществования.

В еще большей степени чисто поэтом-лириком, а никак не выразителем философско-религиозных настроений можно назвать Ваана Терьяна, открывшего новые пути развития армянской поэзии. Это не значит, разумеется, что Терьяну были чужды серьезные раздумья о жизни, о цели человеческого существования. Он неоднократно говорил о необходимости выработки целостного мировоззрения, о том, что сама жизнь есть цель и "каждый поступок человека должен быть целью, потому что он есть выражение жизни, он есть жизнь"⁵.

Неоспорима, на наш взгляд, наибольшая близость поэтической индивидуальности армянского поэта именно Блоку со всей противоречивостью его мировидения, с гуманным поэтическим кредо, утверждающим торжество Добра и Красоты, приобщенностью к кардинальным проблемам жизни, к тайнам отдельного человека и народной души, с неприятием идеологии символизма и блестящим применением его художественной системы и поэтики.

Когда Терьян появился на поэтическом поприще, уже блистал на отечественном небосводе Ов. Ованнесян, уже утвердились на своем пьедестале народных поэтов Ов. Туманян и Ав. Исаакян. Найти не

---

5 Ваан Терьян. Незданные письма. Ереван, 1970, с. 202.

просто свою самобытную, но и принципиально новую интонацию на отечественном Олимпе означало подлинное новаторство. Таковым и был первый сборник стихов Терьяна "Грезы сумерек". Эпическая простота и глубина Туманяна, философское раздумье Исаакяна дополнились лирическим откровением, пророческой тоской и "пейзажем души" Терьяна. И драма одиночества его лирического героя, его тоска по пониманию, по родственной душе, его мечта о вселенской гармонии и об отчем доме нашли свой особый способ выражения, носящий отпечаток символистского мировосприятия, однако, не только не повторяющий чужие модели, но и глубоко самобытный.

Поэтическая система Терьяна, отвергая изыски религиозно-мистических откровений, вобрала в себя все лучшее и характерное для поэтического языка своего времени, дающего возможность через "я" лирического чувствоизъявления передавать духовную драму личности и своего народа. Да, как это не может показаться странным, даже в самых, казалось бы, узколичных переживаниях Терьяна угадываются стечения армянина с его трагической судьбой. И пронзительному лиризму, и драматичной универсальности своих стихов Терьян "обязан" избранной поэтической системе. Именно язык символов, намеков, соотношений, подтекстное наполнение стиха, помогающее выйти за пределы известного, за рамки изведенного в мир мечты — все это и делает поэзию Терьяна столь магически притягательной и чарующе-пленительной. И сам он был предельно чуток ко всем впечатлениям бытия, вибрировал, как звучащая струна, отражая тончайшие нюансы человеческих настроений и переживаний. И потому стремление тех исследователей (а их большинство), которые пытаются всячески оторвать армянского поэта от символистской почвы, тем самым лишают его поэзию ему и только ему присущей характерности, неповторимости и особости.

Примерно то же происходило и с Блоком. Так, даже такой чуткий литератор как Корней Чуковский попытался увидеть в Прекрасной Даме просто милую соседку, которую не мешают разглядеть в образе Лучезарной Девы лишь выпренные образы и традиция. А между тем Блок совершенно откровенно декларировал в то время свою приверженность символизму: "... осмыслить что бы ни было вне символизма нельзя, — писал он в статье "О современном состоянии русского символизма", — оттого писатели даже с большим талантом не могут ничего поделаться с искусством, если они не крещены "огнем и духом символизма". И еще: "Искусство есть Ад... По бесчисленным кругам Ада может пройти, не погибнув, только тот, у кого есть спутник, учитель и руководительная мечта о Той, которая поведет туда, куда не смеет войти и учитель"⁶.

---

6 А. Б л о к. О литературе. М., 1989, с.252.

Восторженное предощущение Светозарной проводницы Туда, в "миры иные" поэта, чья жизнь стала искусством, четко выражено в "Стихах о Прекрасной Даме". И здесь же страх перед появлением ее Двойника — "синего призрака", "красавицы куклы", демона, которого обречен видеть художник, "прозревающий иные миры".

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо,
Все в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо.
И молча жду, — тоскуя и любя.
Весь горизонт в огне, и близко появленье.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

У Блока яснее и трагичнее, чем у других символистов, выражен этот опасный и губительный контраст — противоборство мечты о Прекрасном и Страшном мире, двойственность явления Прекрасного.

В своем самобытном художественном мире создал свою символистскую антитезу Ваан Терьян. А между тем один из вдумчивых исследователей творчества Терьяна К. Григорьян довольно категорично утверждал в своем монографическом труде, что влияние символизма на Терьяна "не играло решающей роли в формировании его поэтического мира и художественной системы"⁷. Это утверждение вызвало бы лишь досадное недоумение, если бы не формулировка этого течения, данная самим автором чуть ранее. Вот она: "Характерными признаками символистического мирозерцания явились отчужденность от жизни, подчеркнутая утонченность восприятия, болезненные переживания, эротика, крайний индивидуализм, упадничество, пессимизм и, наконец, мистика"⁸. Собраны, кажется, все возможные отрицательные эпитеты и явления, и разумеется, такими символистами не были ни Терьян, ни Блок. Тенденциозность чувствуется даже в трактовке одной из действительно важных особенностей символизма, — тонкости в передаче чувств, их отдельных оттенков и переливов.

Забыты и многокрасочность, импрессионистичность образов, и их органичная соотнесенность с космической, природной жизнью, и поэтическая реализация мечты, проецирующейся на грядущее, особая роль цвета и звука ("звучание души"), передающих настроение и формирующих лирическое переживание, возможность благодаря использованию языка символов расширить [иномирие] и углубить [скрытый смысл вещей] художественное познание жизни, "на зыбкой грани двух миров", — словом, все то, что формирует, создает неповторимую атмосферу символистской поэзии. Что же касается мистицизма, то все дело в том, какое содержание вкладывается в это понятие. Если речь идет о

⁷ К. Г р и г о р ь я н. Ваан Терьян. Очерк жизни и творчества, Л., 1985, с. 119.

⁸ Там же, с. 115.

воплощении "божественной стороны нашего духа" и религиозном провиденциализме, то поэзия Блока, например, лишь в малой степени отвечает этим параметрам. И совсем далек от подобных христианских откровений Ваан Терьян, для которого понятие иномирия — есть символ, знак страны мечты или космических далей вселенной. Порыв к сверхчувственному, попытка расширить видимые пределы человеческого сознания, постичь скрытую сущность вещей и человеческой души, противопоставить мечту грубой действительности, "этому серому, серому однообразию жизни", — все эти художественные задачи решались с большим успехом в рамках символистской художественной системы, не осложненной иррациональным видением или религиозными озарениями, а лишь расширяющей пределы обычного человеческого восприятия.

Знаменательную запись делает Блок в 1908 году: "Написать доклад о единственно возможном преодолении одиночества — приобщении к народной душе и занятии общественной деятельностью"⁹. Искусство для него было жизнестроением, неотделимым от долга-миссии перед собой и обществом. Точно так же складывалась поэтическая судьба Терьяна, художника, чувствующего важность своей миссии ("Я не сомневаюсь в том, что у нас есть миссия"¹⁰, — из письма Ц. Ханзадян).

Его эпистолярные откровения, его статьи о литературе и набиравшая силу общественная деятельность только на первый взгляд не вязались с "чистой лирикой" терьяновской поэзии. Достаточно обратиться к ее ведущим мотивам, чтобы увидеть неуклонное движение к этому приобщению, чтобы убедиться как избранная поэтическая система с ее многозначностью, метафоричностью и многослойностью образов, с богатством музыкального и живописного инструментария, наконец, с насыщенностью символами помогает поэтическому воплощению его самых заветных художественных идей. И если вспомнить В. Брюсова с его толкованием этого направления, как выражения особых движений души, "тайн духа", вся поэзия Терьяна является подтверждением этого тезиса. Не случайно один из циклов его лирики "Ночь и воспоминания" открывается эпиграфом из Е. Баратынского: "Свой подвиг ты свершила прежде тела, // Безумная душа!". Терьян с охотой подписался бы и под двустижьем Фета, которое приводит Блок в своей статье "О современном состоянии русского символизма": "О если бы без слова сказать душою было можно".

В самом деле. Стоит восстановить в памяти и проследить наполнение и движение художественных образов Терьяна, как буквально бросится в глаза преимущественное постоянство образа Души поэта, прошедшей сложный путь от одиночества к выражению народного сознания.

9 А. Б л о к. Записные книжки 1901—1920 гг. М., 1965, с. 114.

10 Վ. Տ ե ղ յ ա ն. Երկերի ժողովածու. 3 հատորով, հ. 3, Երևան, էջ 396:

И. Анненский очень точно писал о любимом Терьяном поэте Бальмонте¹¹: "Поэзия Бальмонта тем и значительна, что она с предельной силой выразила "Я" в лирике, "Я", замученное сознанием своего безысходного одиночества, неизбежного конца и бесцельного существования"¹². В первых поэтических циклах Терьяна подчас превалируют именно такие настроения: стремление выйти за пределы известного в иномирие мечты. Не случайно эпиграфом к циклу "Золотая сказка" он взял слова Лермонтова: "В душе своей я создал мир иной и образов иных существовань". Но это иномирие подчас совершенно лишено мистицизма: "Как будто воскресаешь, — пишет Терьян Антарам Мискарян, — но воскресаешь какой-то иной жизнью, живешь какими-то иными чувствами, заостренными и тонкими, я бы сказал "музыкальными чувствами"¹³. И в целом лирическое "Я" Терьяна гораздо значительней и гуманней по своим умонастроениям, эмоциональной наполненности, а переживания глубже и искренней без манерничанья и искусственных надрывов, которые он совершенно не выносил у современных ему поэтов. Армянский поэт решительно отвергал "бабское нытье" и настроение апатии у декадентствующих поэтов его поколения: "Нужно победить в себе апатию и слабость, — писал он, — потому что уж чересчур измельчали люди, пали духом"¹⁴.

Наиболее созвучен Терьяну, как мы уже указывали, Блок с трагичностью мятущейся в хаосе страшного мира одинокой человеческой личности. Вспомним, как часто в стихах обоих поэтов встречается образ одинокого корабля в море, как выразительно звучит скрипка, словно оплакивая это одиночество, печальным рефреном отзывается на минорное настроение песня дождя или картина осеннего ненастья. Большую роль в их "пейзажах души" играет звук и краска: "Сумей прислушаться только, — писал Терьян, — и во всем найдешь неиссякаемую красоту и благодать, и как музыка будет жизнь вся"¹⁵. И еще о музыке в поэзии: "И вот в эти минуты душа рвется наружу, хочется выявить ту песню, ту "музыкальность", которая звучит в душе и нет для этого слов"¹⁶.

О роли музыки наиболее категорично из символистов говорил, разумеется, Верлен: "Музыка прежде всего"! Блок же как известно, часто через музыкальный ритм воспринимал окружающее, камертон его души — музыка: "дух есть музыка". Что же касается живописности поэтического языка, Терьяну ближе полутона, размытые краски осени, сумерки, а Блок больше обращается к полнозвучной палитре в смене красного, белого, синего, пурпурно-лилового. Однако оба поэта одина-

11 "Упиваюсь поэзией Бальмонта! Да здравствует Бальмонт!" (Ч. С б р - ж ш в. 1911. шлж., 52-633).

12 И. А н н е н с к и й. Книга отражений. СПб., 1906, с. 180.

13 В а а н Т е р ь я н. Указ. соч., с. 152.

14 Там же, с. 83.

15 Там же, с. 200.

16 Там же, с. 153.

ково привержены "золоту в лазури", как известно, излюбленной гамме цветов А.Белого с его символистской выраженностью синтеза божественного, небесно-возвышенного и жизнеутверждающе-земного, связанного с солнечным светом.

Музыкальная и живописная выразительность темы одинокой души у обоих поэтов свидетельствовала не только о важности ее в поэтической системе, но и о необходимости поисков выхода из тупиков жизни. Отсюда приоритетность "чувства Пути" для достижения "вочеловечивания", для того, чтобы услышать отзвук "души народной" или "всеобщей души".

Не нужно быть знатоком поэзии Блока, чтобы подтвердить мысль о приоритетности идеи пути в его творчестве. "Идея пути, — писал Д. Максимов, один из авторитетных исследователей Блока, — является одним из существенных принципов, одним из главных отличий блоковской поэзии на фоне других поэтических систем"¹⁷. Блоковский путь сопряжен с борьбой света и мрака, хаоса и гармонии, любви и ненависти, он целенаправлен — "от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотный лес к отчаянью, проклятьям, возмездию и к рождению человека "общественного", художника, мужественно глядящего в лицо миру"¹⁸.

Неизбежно идея пути связывается с философским пониманием времени и пространства, с пророческим видением дальнего плана жизни, который скрыт за действительностью "наивной", с прорастанием образов в иные миры, за горизонты мечты, с катастрофическим ощущением гибельной бездны и все-таки с надеждой на будущее счастье для тех, кто дойдет, не устанет, не остановится, ведь путь предстоит дальний. Истоки этой темы-идеи у Блока наблюдаются уже в самых первых поэтических сборниках, определенно звучит она в цикле стихов "О Прекрасной Даме", которые достаточно созвучны терьяновским с его страданиями страждущей, одинокой души, которая ищет выхода из безысходных тупиков жизни. Терьян прямо обвиняет тех, кто упивается "благими порывами", им "свершить ничего не дано" — к месту цитирует он Лермонтова, потому что "они не хотят *пути*, они желают лишь *достижения*"¹⁹ (*подчеркнуто Терьяном*).

Симптоматична, на наш взгляд, близкая у двух поэтов трактовка понятия одиночества. Известно, что русские философы и поэты-символисты, чья художественная программа всегда имела философскую окраску, тему одиночества преподносили, как выражение свободы воли и человеконенавистничества в духе знаменитых стихов:

---

17 Блоковский сборник, II, Гарту, 1972, с. 51 — 52.

18 А. Б л о к, А. Б е л ы й. Диалог поэтов. М., 1990, с. 443.

19 В а н Т е р ь я н. Указ. соч., с. 87.

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

То есть душа есть прибежище гордого духа поэта, не желающего общаться с непонимающей его массой. Блоку и Терьяну близко в основном противоположное: одиночество души — трагедия для человека и художника, не находящего отклика и понимания в "клетке жизни". Таким образом, идея Пути становится идеей преодоления одиночества, дорогой к людям.

Армянскому поэту принадлежит множество высказываний, в которых он проклинает этот душевный и духовный вакуум. "Разве интересно, — пишет он, — вечно быть с самим собой и самим собой?... Из пустыни одиночества [надо] возвращаться к людям обновленным и светлым, с любовью в сердце и с жаждой жизни-работы"²⁰. Но главное, разумеется, это голос его поэзии, соотносящий его переживания с блоковскими. Посмотрим, как это происходит в рамках темы-явления Прекрасной Дамы, то есть красоты и света, питающих, озаряющих смятенные сердца и души поэтов.

Уже в одном из ранних стихотворений "Вступление" первые строки возвещают необходимость движения и трудность пути: "Отдых напрасен. Дорога крута. // Вечер прекрасен, стучу в ворота". И возникает восторженный образ Царевны, Российской Венеры, Вечной Жены и Прекрасной Дамы, которая и должна открыть путь в неведомое. Однако тут же появляется и находит свое развитие уже упоминавшийся нами мотив Двойничества, то есть сложности и противоречивости этого пути: "Но в одиночестве двуликом готовит чудные дары" и далее еще жестче и определеннее: "Но страшно мне, // изменишь облик ты". Дальнейшее творчество Блока подтверждает эти мрачные предчувствия: превращение облика прекрасного, неземного в пугающе-мятежный, предательски-двуликий, обманный и коварный.

Подобная интерпретация прекрасно-возвышенного, как мы помним, характерна и для Терьяна с его образом прекрасной, но иллюзорной мечты в облике женщины-возлюбленной и сестры, внезапно сменяемый на женщину-медузу, страстную, лживую и двуликую. Терьян искусно передает переливы чувств лирического героя, оказавшегося на перепутьи изменчивой судьбы. Почти в каждом стихотворении первых трех циклов мы встречаем мотив одиночества и отчаяния, стремление найти родственную душу, чтобы путь в никуда обернулся дорогой жизни. Когда этот путь извилист и темен, только греза-мечта и ее воплощение в прекрасной женщине-возлюбленной и сестре может осветить дорогу к счастью:

---

20 Там же, с. 116.

Светлая, как облачко весной, В сердце, где на беспрестанной тризне
 В дни моей печали — Горести рыдали,
 Появилась ты передо мной, Ты зажгла иной, счастливой жизни
 Повела плечами. Солнечные дали.

И мое бывшее — как химера
 В светлый день весенний.
 Ты — мое отечество и вера,
 Ты — мое спасенье.

(Перевод Г. Кубатьяна)

Темен и страшен мир, где тебя не понимают, и поэта одолевают сомнения: "существуешь ли ты, светлая греза"? или обманной может быть и сама мечта: "Обманную жизнь смешай с обманной мечтой". И тогда она не сможет помочь выбраться из "лабиринтов жизни":

Ветер с каждой минутой лютей.
 Лес шушукает тысячеусто.
 Все на свете и чуждо и пусто.
 Я пропал в лабиринте путей.

(Перевод Г. Кубатьяна)

И все-таки поэт благословляет грезы, пусть приносящие временное забвение, зыбкие, но пробуждающие надежду:

Во мраке дней ни проблеска, ни света.
 Лишь ты, возникнув, озаряешь мир —
 Единственное божество поэта,
 Единственный кумир.

(Перевод Г. Кубатьяна)

А подчас он подчеркнуто противопоставляет светлым путям надежды темные бездны иллюзий, тем самым словно иллюстрируя верность высказывания Блока о том, что настоящий поэт всегда противоречив:

Я попал в мрачные пропасти,
 Моя греза, я снова зову тебя,
 Я забыл светлый путь мой,
 В моем сердце дышит горькая тьма.

(Подстрочный перевод)

Или:

В моем сердце лишь холодное рыданье,
Но нет слез в моих черных днях.
Умирает сердце в бесконечной тьме,
Есть ли ты, светлая греза?

(Подстрочный перевод)

Но каким бы беспросветным и мрачным ни казался Терьяну мир, эта юдоль печали, тоски, неосуществимых желаний, где все призрачно и обманно, и как бы ни была "неизвестна дорога", в его стихах часто просматривается перспектива пусть далекого, но подлинного отрезвления от сладкого или тяжкого сна "золотой сказки".

И тогда рождаются слова о жизни-горении, о душе, скорбящей по трагичной судьбе родины: "...подобно моей душе сгорает и моя страна, "моя Наири", — может быть поэтому пламенеет и моя душа, потому что в моей душе горит "чудесная наирская душа". И я начинаю чувствовать себя одним из тех, кто призван взять на себя, в свою душу ее высокое страдание..."²¹ То же в стихах:

Из мглы восходит призрак, с явью споря, —
О Наири, печален образ твой!
Где есть страна, в чьем сердце столько горя,
И доблести, и доброты простой?

(Перевод И. Поступальского)

Страдания Родины, народа все больше оттесняют муки одинокой души и у Блока: "Народ — венец земного цвета, // краса и радость всем цветам". И через страдания видится ему, как и Терьяну, освобождение родины: "Из моря слез, из моря муки // Судьба твоя — видна, ясна. Ты простираешь ввысь как руки, // Свои святые пламена..."

Более сложно и противоречиво мотив мечты трансформируется в любовной символистской лирике. Он развивается в рамках уже знакомой нам образности, связанной с обликом Прекрасной Дамы. Спасение мира и спасение отдельного человека рассматриваются в одной и той же сфере воплощения идеала, приобретшего сверхзначность высшего самоосуществления героя. И одновременно вновь появляется мотив двойничества, как антитеза светлой, самоотверженной любви, как грудная проблема выбора необманного чувства. Образ роковой женщины-змеи погружает лирического героя во мрак темных страстей, притягательных, но гибельных. Противоречивость мечты, грезы в женском обличье, ее двуликость придают мотиву мечты символистскую наполненность, расширяющую рамки этого чувства, выводящую его за пределы узколичного. Лирическому "я" поэтов душно в мирке жеманных красавиц ("Кошачий рай" Терьяна).

21 *Վ. Տերյանի և Ա. Блокի ստեղծագործությունների հավաքածու*, էջ 237:

Терьян страшится "цариц ночи", "владычиц грез", понимая, что они могут нести в себе и "нежность памяти о невозвратно ушедшем счастье", и "жало смерти", но нередко в отчаянии готов искать спасения во мраке. Его описания носительницы темных страстей очень напоминает вьюжные, метельные, обманные маски Фаины и Кармен Блока, которые влекут поэта и одновременно отталкивают. У Терьяна, например, такая образная ситуация:

И в ласках мучительных я засыпал опьяненно,
И грех мне казался не грех, а эдем для двоих...
О горестный мир пробужденья! Медуза Горгона
Меня услаждала в кровавых объятьях своих.
(Перевод Г. Кубатьяна)

Или:

Своим змеиным телом ты прильнула к груди, –
И в вихре твоего желанья
Моя беспомощная душа шлет проклятья
И безнадежно кричит в твоих отравленных объятьях.
(Подстрочный перевод)

Такие же ассоциативные образы возникают у Блока, когда он обращается к теме любовного двойничества, к чарующей прелести Девы, несущей в себе змеиный яд измен и превращений:

И вновь, сверкнув из чаши винно,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкой невинной
В тяжелозмейных волосах.

Те же мотивы в цикле "Фаина":

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

Легко заметить, что обоими поэтами для передачи состояния дивного и душевного одновременно любовного плена используется образ змеи "водопада" женских волос, "черной косы". Вспомним терьяновское: "Этот блеск и сверканье волос твоих безрассудных // Как водопад, что поет и гудит в вышине". Но в зависимости от тональности стихотворения тот же образ может приобрести иное, целительное значение: "Укрой своими волосами мою усталую грудь // И нежно убаюкай мое бедное сердце".

Как известно, Терьян посвятил целый цикл образу Дамы-искусительницы, которую лирический герой почитает и презирает одновременно. Этот цикл написан в совершенно отличной от его поэтического стиля нарочито изысканной и иронической манере. Здесь сгущены все черты, детали, декларирующие суррогатность, подменность подлинного мнимым:

Кто может Вас не полюбить
Безоговорочно и сразу?
О как, сударыня, не быть
Послушной Вашему приказу

Владея нежным кодовством	Сумели лаской Вы согреть
Вы что-то знаете такое,	Мой хмурый дух, мой дух увечный,
Чтоб сделать кесаря рабом	Как, о сударыня, не петь,
И палача лишить покоя.	Не восхвалять Вас бесконечно.

(Перевод Т. Спендиаровой)

Романтический флер только усугубляет загадочную атмосферу полунасмешливого поклонения обманной красоте. У женских образов Блока также просматривается двуликость Прекрасной Дамы, оборачивающейся и Незнакомкой, и ресторанной Дивой, — призрачным видением и реально-вульгарной женщиной в одном и том же лице. Загадочное очарование облика: "девичий стан, шелками схваченный", "шляпа с траурными перьями", "в кольцах узкая рука", — все это подводит к романтическому восприятию встречи:

Ты прошла словно сон мой легка,
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептали тревожно шелка.

Но далее излюбленный Блоком прием контраста "снижает" любовную ситуацию до уличной или богемной:

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: лови!...
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

Несколько иначе снижает ту же ситуацию Терьян, не снимая возвышенного тона:

Когда Вы сказали, чтоб я Вас
Сегодня ласкал,
Вы показались мне такой
Беспомощной и слабой...

(Подстрочный перевод)

Обманная любовь, двойственность в самом сокровенном, в чувствах, в душе часто приводит поэтов к мысли о призрачной суетности жизни, в которой все повторяется, все тиражируется, упирается в обыденность, переплавляясь в глухую тоску беспросветности. У Терьяна его знаменитая "Карусель" удивительно точно передает это настроенное усталости духа, скепсиса, пессимизма. В статье "Терьян и французский символизм" мы имели возможность сравнить это стихотворение с "Калейдоскопом" Верлена. Если добавить к этому блоковский аналогичный мотив, особенно сильно прозвучавший в его стихах цикла "Пляски смерти", нетрудно будет убедиться в общности символистского мировидения поэтов разных национальностей. Терьян акцентирует нудную повторяемость бездуховно-обыденного: "Все знакомо, затерто, запето".

Блок доводит ситуацию бессмысленности жизни до ее логического завершения, смерти: духовная смерть оборачивается физической. И потому лейтмотив скуки и безрадостности жизни одновременно приобретает еще более мрачные обертона, нежели у Терьяна:

Ночь, улица, фонарь, аптека,	Умрешь, начнешь опять сначала.
Бессмысленный и тусклый свет,	И повторится все, как встарь:
Живи еще хоть четверть века —	Ночь, ледяная рябь канала,
Все будет так. Исхода нет.	Аптека, улица, фонарь.

Однако присущий русскому поэту в целом оптимизм, его вера в перспективу пути побеждает в том же цикле:

Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Другое дело, что цель этого полета неизвестна, но стремительное движение — уже залог перспективы и, главное, очищения духа из загадочного плена жизни-мечты и жизни-обыденщины. "Гибельный пожар жизни" опасен и катастрофичен, но она продолжается, эта земная жизнь, которая все притягательней ("Все милей любимое, земное") и "моря души просторны и безбрежны".

По-своему, но не менее выразительно говорит об этом Терьян, ощущение грядущего обновления рождает новые оптимистические обертона, новые краски и музыкальность:

Я стал на распутье. Какие дороги —
Далеки, далеки! —
Манили меня — вы таких не видали.
Любовь обновилась: и новые сроки,
И новые глубины, и новые дали.

(Перевод Г. Кубатьяна)

Таким образом, у Блока и Терьяна есть и своя двойственность в восприятии того, что противоположно беспорочному идеалу: "Боюсь души своей двуликой", — писал Блок. Это и "падший ангел", и "царица ночи", как оборотная сторона лучезарного света, но это и воплощение земной любви, гармонии природы и человека, противостоящих иллюзорной небесной гармонии, которая все больше представляется призрачным видением, уводящим от живой, осязаемой жизни. И тогда лик, маска сменяются теплом родственной души, приносят покой и счастье, возвращают к "покинутой земле".

В конечном итоге идеал видится обоими поэтами в синтезе земного и неземного. Существенная разница, однако, в том, что неземное Блока — напрямую связано с соловьевской надмирной идеей Вечной Женственности, у Терьяна же, как мы отмечали, отсутствует философско-религиозная окраска образа Прекрасной Дамы, она есть персонализация мечты, иллюзии. Менее расходится у них земной идеал, исполненный гармонии и красоты, причастный общемировой жизни, как источник Добра и Света. И таким образом особенно рельефно высвечивается фигура лирического героя, самого Блока, который, как никто другой "сжигал себя дотла" в своей поэзии, образ человека своего времени, бьющегося над загадками бытия, стремящегося преодолеть смятение перед хаосом эпохи и найти свое место в движении времени.

"Блок — самая большая лирическая тема Блока", — писал Ю. Тынянов, а один из рецензентов поэта замечал: "Обыкновенно поэт отдает людям свое творение. Блок отдает самого себя". Стоит заменить имена — Блока на Терьяна — и не будет необходимости изменить ни слова, ибо эта характеристика русского поэта как нельзя больше подходит к Терьяну. И закономерно оба поэта пришли к поэтическому воплощению сокровенной для них темы народной души, родины и своего места на перекрестке исторических дорог. Дух времени и душа человека обретают единый ритм вселенской гармонии.

Напомним, что Терьян взял для своего наирийского цикла эпиграф из Лермонтова: "Люблю отчизну я, но странною любовью". Великий русский поэт подразумевал под понятием "странною" — отказ от традиционного восприятия патриотизма, связанного с кровью завоеваний и преданиями старины. Шумным и неискренним декларациям квасного патриотизма он противопоставлял мужественную любовь к народной России. Эта традиция прямо и через Некрасова была обогащена Блоком и художественно воплощена с подлинным лиризмом за-

ветного чувства любви и боли: "О Русь, Жена моя! До боли нам ясен путь..." "Живую душу указала, // Русь, на своих просторах ты, // И вот она не запятнала первоначальной чистоты".

Выше уже говорилось о том, что терьяновские переживания одинокой души постепенно переходили в осознание трагедии народной жизни, в скорбь по разрушенному отчужденному дому и тяжелой судьбе народа, обреченного на страдания, на смерть и скитания. Именно тогда, когда трагедийность восприятия Терьяна достигает своего апогея, когда муки его отверженной, непонятной души становятся знаком мученической судьбы армянина, разделившего горькую участь своего народа, — открывается просвет во мраке суровой Ночи, пробивается луч надежды, появляется в его поэзии тема рассвета, героической борьбы, возможности переломить судьбу. И это естественно. Пагубность одиночества, стены непонимания вокруг, болезненное, сверхчувственное восприятие лживости окружающего и отсюда уход в иномирие ("недостижимую грезу души"), в царство иллюзий и призраков, сна и мечты, — от всего этого мог спасти поэта лишь путь, ведущий к людям, вера в наступление нового утра страны: "Чем ночь темней, тем я упрямей жду: // Восстань, страна родная, наконец, // тяжел, но свят твоей судьбы венец" (перевод В. Звягинцевой).

Движение к преодолению мрака, наступление времени "светлого, братского пира труда и мира", — прозревал и Блок в "сине-розовом тумане" грядущих дней. "Братский", — это и есть ключ к проблеме, ощущение общности тягот сегодняшней жизни и возможности их преодоления "всем миром". Приветствие людей, как своих братьев звучит и в стихах Терьяна: "Привет вам, братья, на земных дорогах, и в чужедальних странах, и в тюрьме!"

У Блока при всей противоречивости его творчества, постоянно, словно бы отталкиваясь от темы-образа "страшного мира", утверждалась мысль о пленительной красоте мира: "Сотри случайные черты и ты увидишь: мир прекрасен!" или "А мир прекрасен, как всегда". Поэтому оптимизм последних лет, связанный прежде всего с поэмой "Двенадцать", не случайное, вдруг возникшее ощущение, а прежде всего, приложимое к его чувству родины понимание необходимой спасительности перемен, окупаемости страданий во имя человека и его отчизны.

Сходные закономерности пути прослеживаются у Терьяна. Даже в ранних сугубо личных его стихах чувствуется подтекстное наполнение никак не надмирной скорбью, а переживаниями сына своей несчастной страны, сиротством и бездомностью ее народа. Уже в стихотворениях 1908 года звучит тоска по родной земле и крову: "Я отлучен от родной земли". В 1912 году пишется стихотворение "На родине", в котором поэт признается в призрачности своих иллюзорных мечтаний. И горечь разочарования в мечтах приобретает весомую трагичность потери родного очага, который для армянина всегда наиболее значимый символ искомой устойчивости национального бытия:

Дом наш горбится, вздыхая,
Сиротливый и бескровный.
Над бедой родного края
Плачет колокол церковный²².

(Перевод А. Налбандяна)

Его мятущаяся душа постепенно теряет черты вселенской скорби, становясь "крещенной огнем наирской душой". И как у Блока, христианские святыни, их глубокий потаенный смысл начинают обретать силу веры в святыни своего отечества:

Как не любить тебя, родная, бедная,
В скорби покорной страна опаленная,
Снова мечам остроблещущим преданная,
Ты Богородица, семь раз пронзенная!

(Перевод В. Брюсова)

Блок в своей последней поэме сделал Христа символом грядущего преображения жизни, считая, что страдания Спасителя являются искупительной жертвой за пролитую в революции большую кровь. Сосредоточенный на том, что может дать революция его родному народу и уже смертельно больной Терьян был весь устремлен в это будущее, уповая на тех, кто "придет и поведет нас домой", надеясь на счастье тех, кто будет жить после него, и как и Блок, оставляя людям свои песни — песни любви и надежды: "Любовь и песня в моей душе. // Моя душа — песня любви". Будет принята людьми эта песня, тогда "воскреснет душа поэта". Это воскресение души поэта в духе своего народа и есть отнюдь не мистическое право писателя на вечную жизнь в духовной сокровищнице отечества. Но не просто как дань признания его поэтического подвига, а как нечто большее, дающее опору для будущего существования нации и ее культуры. "Если мы хотим, чтобы у нас развивалась настоящая художественная литература, она будет иметь ценность лишь в той мере, в какой служит якорем и опорой для будущего"²³.

Александр Блок в одном из своих дружеских посвящений Вячеславу Иванову написал: "Взглянул... И наши души спели // В те дни один и тот же стих". О Терьяне и Блоке, пожалуй, не скажешь "один и тот же", но близкий, но созвучный, но корреспондирующий друг с другом, чистой струной отзывавшийся на время. Гармония этой общности

---

22 Перевод этого стиха А.Налбандяном блестяще демонстрирует важность одной из самых ключевых особенностей поэзии Терьяна — ее музыкальность. Переводчиком найдено адекватное ритмо-мелодическое звучание стихотворения на русском языке.

23 Վ. Տ Ե Ր Յ Ե Կ. ԿԶԳ. ԿԶԳ. ԿԶԳ:

безупречна, потому что единое для настоящих поэтов "чувство пути" обусловило единый ритм их поэзии в "мировом оркестре души народной".

ՎԱՀԱՆ ՏԵՐՅԱՆ ԵՎ ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԲԼՈԿ
(ՎաՀան Տերյանի ծննդյան 115-ամյակի առթիվ)

ԵԼԵՆԱ ԱԼԵՔՍԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոդվածում գեղարվեստական հիմնախնդիրների և բանաստեղծական արվեստի տեսության մակարդակով դիտարկվում է Վ. Տերյանի և Ա. Բլոկի ստեղծագործության տիպաբանական ընդհանրությունը, որը բավականաչափ ուսումնասիրված չէ, մինչդեռ Ա. Բլոկը Հայ բանաստեղծին ամենից ավելի հոգեհարազատ դեմքերից էր և ուսական սիմվոլիզմի առավել կարկառուն ներկայացուցիչներից: Տերյանի և Բլոկի քնարերգության Համարական վերլուծությունը Հնարավորություն է բնօրում դրսևորել Հայ բանաստեղծի գեղարվեստական Համակարգի առանձնահատկությունը, նաև դրա նմանության եզրերի Բլոկի բանաստեղծական մտեցումների, փիլիսոփայական ու բարոյական առումներով նշանակալի հիմնահարցերի Հետ, որոնք առնչվում են կյանքի և երազանքի իրականություններին, ճամարտության, բարոյական իդեալների որոնումներին, սեփական բանաստեղծական «Ես»-ի և ազգային ճակատագրի ըմբռնմանը: Տերյանի և Բլոկի պոեզիայի վերլուծական ուսումնասիրությունը, սիմվոլիստական աշխարհընկալման, բանաստեղծական Համակարգի շրջանակներում, Հնարավորություն է տալիս ավելի խորը ընկալել նրանցից ամեն մեկի ինքնատիպությունը, նրանց գեղարվեստական որոնումներում գտնել նորություններ և քնարերգական բացահայտումներ, որոնք արգասավոր են ժամանակակից բանաստեղծների Համար:

VAHAN TERYAN AND ALEXANDER BLOK
(On the 115th birth anniversary of V. Teryan)

YELENA ALEKSANYAN

S u m m a r y

The article discusses the insufficiently studied typological common features of the creative works by V. Teryan and A. Blok from the viewpoint of artistic problems on the level of the poetical atr's theory. A. Blok was one of the kindred to the Armenian poet and the most representative figures of the Russian symbolism. The comparative analysis of the lyrics by Teryan and Blok gives the opportunity to reveal the originality of the artistic system of the Armenian poet and at the same time the points of likeness to Blok's system in the poetical approaches and solutions of philosophical and moral problems, related with the realities of life and dream by means of the search of truth and moral ideal, comprehension of his own poetical "ego" and national destiny. The analytical study of the poetry by Teryan and Blok within the symbolist vision of the world and poetical system allows to get deeper understanding of the originality of these poets, to find in their creative searching the innovations and lyrical revelations, which can be productive for the contemporary poets.